

История философии

20 Августин и неоплатонизм.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня мы обратим наше внимание на святого Августина. И в конце часа в прошлую среду, когда мы в последний раз встречались, напомню, в конце часа в прошлую среду, я высказывал некоторые замечания в ответ на вопросы о моем взгляде на историю философии. Если хотите, это попытка философствовать об истории философии.

Иными словами, я вижу множество традиций мировоззрения, развивающихся параллельно на протяжении всей истории западной мысли. В истории мысли есть определенные важные поворотные моменты, переход от античности и средневековья к современности, то есть примерно во времена Ренессанса, и переход от Просвещения к романтизму и постмодернизму, то есть примерно с 1800 по 1900 год. В этот период романтизм, вернее, Ренессанс, 1400, 1500 годы, относятся к этому времени.

И я предполагаю, что отличительные черты этих трех основных периодов связаны с меняющимися научными моделями или научными парадигмами, как их иногда называют. Здесь мы видим греческую науку с ее акцентом на объяснение с точки зрения формы, сущности и материи, механистическую науку, возникшую в результате научной революции и рассматривающую материю и движение, а также более органические концепции природы в XIX веке. В биологии, конечно, есть теория развития и вся концепция биосистем в XX веке в физике, теория поля, теория электромагнитного поля и теория относительности пространства-времени, но в большей степени ориентированные на отношения системы.

Хорошо? Итак, здесь акцент делается на сущностях, неизменных сущностях или формах. Здесь используется механистическая модель, а здесь — более реляционная модель или модель органического единства. Суть в том, что независимо от того, имеем ли вы дело с натуралистической философией, идеалистической философией или теистической философией иудейского или христианского происхождения, все они работают по одной и той же модели в тот период времени.

А затем в процессе перехода приходится работать с механистической моделью и так далее. Дело не в том, что все вдруг перестают работать с сущностями. Нет, это работает примерно так: развивается одна философская точка зрения, которая начинается у греков и постепенно становится менее заметной, другая начинается в эпоху Возрождения и также постепенно становится менее заметной, третья начинается в XIX и XX веках и продолжает развиваться.

Видите ? Таким образом, эти три направления развиваются параллельно, часто в рамках одной мировоззренческой традиции. В этом смысле мы видим, как христианские философы работают с греческими теориями форм, плутоновскими, аристотелевскими и так далее. Мы также видим, как христианские философы работают с механистическими концепциями, например, Декарт и другие.

В XIX веке христианские философы работали в большей степени с органическими концепциями. Гегель придерживается такого же подхода, хотя это может вызвать некоторые споры относительно определения термина «христианин». Но что-то в этом роде.

Таким образом, сложность вопроса очевидна. Но, по сути, я думаю, полезно рассматривать множество традиций мировоззрения с непрерывной историей взаимодействия друг с другом, но работающих с концептуальным аппаратом, предоставляемым современным культурным пониманием природы. Культурное понимание природы, которое мы прослеживали до сих пор, было греческим.

В особенности платоновское мышление. Аристотелизм вновь выйдет на первый план примерно во времена Фомы Аквинского. Но в силу постоянного присутствия и активности среднего платонизма в Александрии, а затем и неоплатонизма, мышление христиан на Западе в начале Средневековья было преимущественно платоновским.

Под платоническими отношениями следует понимать неоплатонические. В подавляющем большинстве случаев именно так. И Августин служит тому примером.

Но, как я указывал в прошлый раз, существуют проблемы с полным усвоением, ассимиляцией всей полноты языческой философии. Поэтому намерение, отношение, начиная с Александрийской школы и вплоть до Средневековья, состоит в том, что необходимо внести существенные философские изменения в эти греческие схемы, чтобы привести их в соответствие с иудейской, христианской или исламской теологией, в зависимости от случая .
Существенные изменения.

Но в то же время они оказали огромную помощь. И первым тому примером стал пример Александрийской школы, которая сочла средний платонизм очень полезным в ответ на дуализм гностиков и проблему зла, которая была связана с гностическим взглядом на материю как на зло. Платонизм позволил им утверждать, что в силу форм, которые упорядочивают природу, материальный мир не является злом.

Это хорошо. И в конце концов, христианин хочет сказать, что не сам факт наличия у нас тел является источником зла в нас. Что-то другое, скажет он.

То же самое относится и к Августину. Августин Гиппонский, родившийся в 354 году и умерший в 430 году. Чрезвычайно влиятельная фигура, и, я думаю, справедливо будет сказать, что он был первым систематическим мыслителем, чье мышление охватывало широкий спектр философских и теологических вопросов, и чье влияние сохранялось на Западе.

Это не значит, что в Восточной Церкви не было важных мыслителей. Каппадокийские отцы, если о них вообще говорят, Григорий Нисский и другие в районе Черного моря оказали значительное влияние на формирование Восточной Церкви, также под влиянием Платона, но в более мистическом ключе, чем на Западе. Но, безусловно, Августин, по всем меркам, выделяется больше всего.

Итак, мы хотим обратиться к Августину. Многие ли из вас читали «Исповедь» Августина? Признайтесь. Примерно полдюжины.

Остальные из вас иногда так делают. Знаете, я говорил, что вы не образованы, пока не прочтете «Республику». Что ж, добавьте к этому списку «Исповеди», «Исповеди» Августина.

В каком-то смысле это вдохновляющая классика. В другом смысле это интеллектуальная автобиография. В третьем смысле это глубокий трактат о природе человеческой души.

Это всё это и многое другое. Но одна из вещей, которую вы получаете, просто читая сюжет, и я полагаю, что именно это мы делаем при первом прочтении. Я помню, как читал «Дзен и искусство ухода за мотоциклом».

Помните ту книгу? Я обнаружил, что читал её просто ради описания путешествий, а не ради философии. Что ж, почитайте Августина ради описания путешествий. И вы обнаружите, что в ранние годы своей жизни, воспитанный матерью-христианкой, а отцом, по-видимому, язычником, он склонился к манихейскому дуализму.

Манихейство же представляло собой версию гностицизма IV века, более явно дуалистическую, чем многие другие его варианты, в том смысле, что оно видело два вечных царства бытия: царство света и царство тьмы. Свет — добро, тьма — зло. Свет — это свет разума.

Тьма, запутанный мир материального существования. И это была форма дуализма, которая имела некоторые корни в зороастризме, религии нынешних парсов, но с христианским оттенком, так что они считали, что этот вечный конфликт между добром и злом, светом и тьмой таков, что когда царство света послало своего сына в мир тьмы, свет был захвачен и заключен в тело. Понимаете платоническую ноту? И заключен в тело.

Однако, когда его довели до смерти, оказалось, что тело — это нечто феноменальное, иллюзорное, нереальное. И вот жертва, цитирую, воскресла из мертвых, одержав победу над злом, над телом. Из всего этого следует, что если тело — зло, то путь к спасению лежит в жизни, полной самоотречения и аскетизма, чтобы избежать влияния тела.

Августин, вспоминая о сравнительной буйности своей юности, был привлечен этим объяснением зла. Однако, когда он встретил странствующих лекторов манихейской школы и начал задавать им вопросы, он разочаровался в их способности отвечать. Проблема манихейского дуализма заключалась в том, что он не давал никакой надежды на победу добра над злом, если эти два понятия находились в вечном конфликте.

Нет никакой надежды. И это низводит людей до уровня простых пешек в вечном конфликте, в котором они, в конечном счете, не имеют никакого отношения к Статику. И его не устраивали ни те, ни другие последствия.

Но то, что в конечном итоге помогло ему преодолеть манихейство, — это знакомство с неоплатонизмом. Хотя, не напрямую. В промежутке у него был период, когда его привлекал скептицизм академических скептиков, таких как Карнеад и его фаллибилизм, и тому подобное.

Но затем, в конце концов, Амвросий, епископ Миланский, познакомил его с неоплатонизмом. И это стало средством, позволившим ему выйти за рамки дуализма и обратиться к последовательному христианскому теизму. Фактически, во многом именно благодаря этому он смог стать христианином.

Итак, что же в неоплатонизме ему помогло? В чём заключались его обязательства перед неоплатонизмом? И этот материал из восьмой книги «О граде Божьем» Августина объясняет, почему он так высоко ценил Платона и платонизм. В этом контексте он раскрывает весь спектр его взглядов. Прочитайте его.

Это очень полезно. Но если вкратце, то из платонизма он почерпнул, во-первых, идею о том, что Бог — это не материальное существо, как утверждали стоики и манихеи, а бестелесный дух, что Бог — источник всего сущего, не только половины, но всего, что Бог — благо. И вы заметите на самой первой странице

его «Исповеди» эту часто цитируемую строку: «Ты создал нас для Себя, Боже, и сердца наши не успокоятся, пока не обретут покой в Тебе».

Видите ли, Августин видит внутреннюю телеологию, согласно которой всё творение стремится обратиться к Богу, источнику, цели бытия, благу. Понимаете ? Таким образом, Бог является источником бытия. Бог есть благо.

В результате, в неоплатонической традиции зло — это лишение, извращение, искажение чего-то доброго. Оно не существует отдельно, как у манихеев. Зло паразитирует на добре.

Это нечто не совсем независимое само по себе . И человеческая душа тоже нематериальна. Если Бог может быть бестелесным духом, то и человеческая душа может быть бестелесным духом.

И он, что интересно, утверждает, что душа способна распределять, принимать обратно, различать. Душа способна различать истинное и ложное без использования чувственного опыта посредством диалектики. О, значит, душа, судя по своему функционированию, способна к независимости от телесных ощущений.

А душа в своем мышлении способна охватывать бескрайние просторы пространства и времени, время в памяти, пространство в воображении. Да, душа не ограничена пространством и временем, как тело. Почему? Объяснение: это нематериальный дух.

Да, сэр. Что ж, его влияние платонизма прослеживается во всем этом. И в результате он повторяет платоновский акцент на двух видах любви.

Вы помните это у Платона. И это присутствовало у неоплатоников. Существует любовь , разделяющая две части, любовь к земному и любовь к небесному.

В неоплатонической системе это погружение в стремление к низшим вещам, что приводит к падению души в тело и её порабощению этим телом. А спасение происходит благодаря третьему уровню души, находящемуся между ними, где обитает интеллект, поэтому интеллект может спасти нас, сосредоточив внимание на высших вещах. По крайней мере, так было у неоплатонистов.

Августину нравится история двух любовей, но он не любит думать, что именно интеллект спасает нас. Источник надежды не в нём. И поэтому вы понимаете, почему ему придётся внести некоторые изменения.

Но результатом такого акцента на двух видах любви является то, что Августин развивает свою христианскую этику как этику любви. Видите ли, он переводит

это не только в терминах эроса, но и в Новом Завете как агапе, что в его латыни становится *caritas*, нашим английским словом *charity*, *caritas*, этика любви. И центральная тема его этики заключается в том, что именно любовь является основополагающим смыслом всего морального закона.

Он говорит не только о Десяти заповедях, как это делает Новый Завет, где любовь — это исполнение закона, но и о греческих добродетелях: умеренности, мужестве, мудрости, справедливости, и утверждает, что любовь — это исполнение этих добродетелей, так что мужество — это любовь к Богу и, следовательно, достойное преодоление всего остального. Справедливость — это почитание Бога и, следовательно, достойное управление всем остальным. Видите ли, любовь находит выражение в различных добродетелях.

Что ж, именно такие «долги» он находит в неоплатонизме. И, несомненно, именно такие вещи мы все оценили, размышляя о Платоне в течение последних нескольких недель. Но проблемы, которые у него возникают с неоплатонизмом, сосредоточены на этих двух областях, двух проблемах, касающихся, если хотите, того, как обратиться к Платону в христианство.

Как? Что касается проблемы зла, он довольно ясно заявляет, что, по крайней мере, зло в нас, зло в человеческой душе, не обусловлено тем, как тело каким-то детерминированным образом тянет нас вниз. Нет. Скорее, утверждает он, зло, которое мы творим, является следствием свободного выбора воли.

Августин переходит к волюнтаристскому объяснению человеческого поведения. К волюнтаристскому объяснению свободы воли. И поскольку наш грех является результатом свободного выбора воли, избавление приходит не через размышление о высшем благе, а через свободный выбор и любовь к высшему благу.

Иными словами, Августин ясно понимал, что его несогласие с платонизмом было вызвано Евангелием. Христианское Евангелие ясно показывает, что спасение обретается в искренней и полной любви к Богу. Однако, поскольку зло, которое мы совершаем, не является следствием того, что тело тянет нас вниз, отсюда следует, что Августин будет развивать более высокое понимание тела, чем то, которое было распространено во многих платоновских идеях.

Плотин, хотя и не говорил о теле как о зле (в конце концов, неоплатонисты не могли этого сделать, если материальные вещи упорядочены формами), по крайней мере считал, что телесных желаний следует избегать. Поэтому, хотя он и давал советы римским государственным деятелям, приезжавшим к нему, он отказывался вмешиваться в политику.

Он не хотел иметь ничего общего с делами этой жизни. Он склонен был пренебрегать своим физическим здоровьем и тому подобным. Не был привередлив в еде и так далее.

Но Августин с этим не согласен. В своих ранних трудах он ближе к неоплатоникам. И вы можете заметить, что в «Исповеди» он упрекает себя за то, что любит поесть.

Он играет с различием между жизнью ради еды и едой ради жизни. Приходит к выводу, что он, скорее, жил ради еды, а не ел ради жизни. И, похоже, он не питает особых надежд на супружеские отношения.

Он, кажется, считает, что сексуальное желание само по себе зло. И это потому, что тело притягивает нас, завораживает. Но со временем, а позже и после опровержений некоторых своих ранних работ, он стал уделять все больше внимания позитивной ценности телесных вещей.

Он много писал о важности образования, которое прививает любовь к музыке и математике не только для развития ума, но и как к ценным дарам Божьего творения, позволяющим нам больше ценить земное творение. В конечном счете, для Августина срединный уровень, решающий между высшим и низшим в нашей жизни, — это не интеллект, а воля, свободный выбор воли. И это подводит нас к его рассуждениям о зле и добре.

Разум не может победить страсти, потому что в конечном счете нами управляет не то, что мы знаем, а то, что мы любим. И в этом для Августина заключается решающее различие.

Нами управляет не то, что мы знаем, а то, что мы любим. При этом знание и любовь не разделяются.

Он не разделяет их. Но он проводит различие, подчеркивая, что сила заключается в любви, а не в знании. Именно это, я думаю, знаменует собой один из главных разрывов между греческой и христианской мыслью.

Потому что вы это заметили, и я это заметил в ваших работах, когда вы писали о греках, что в разных интерпретациях они, кажется, утверждают, что нами управляет разум, что разум является правилом нравственной жизни. Мне кажется, существуют некоторые однобокие и ошибочные толкования Платона. Некоторые толкования Платона утверждают, что если ты знаешь, что хорошо, ты будешь делать то, что хорошо, как будто это происходит автоматически.

Ну, я не думаю, что у Платона это происходит автоматически. Но для Платона это, однако, не вопрос свободного выбора воли, как у Августина. Думаю, в этом и заключается главное различие в этих отношениях.

В моральной философии главное различие заключается в роли воли. И он движется в этом направлении из-за последствий Евангелия. Теперь, что касается второй области главного различия, то, кстати, в первом случае становится очевидным, что Августин разделяет озабоченность Платона улучшением души.

Платон разделяет это, Августин разделяет заботу Платона о совершенствовании души. В значительной степени. Это одно и то же.

Фактически, в одном месте он утверждает, что Иисус Христос воплощает в жизнь все философские надежды Платона, а в другом — говорит, что если бы Платон был христианином сегодня, нет, лучше возьмем свои слова обратно, если бы Платон жил сегодня, в 400 году нашей эры, он бы стал христианином. Просто потому, что его философия слишком сильно склонялась в этом направлении. Хорошо, теперь другая проблемная область, которую он видит, — это неоплатоническое понятие эманации.

Вы знаете, что из единого исходит благо всего остального. Так что внутри бытия единого существует внутренний детерминизм, позволяющий, так сказать, излучать из своего собственного бытия не только петлю, душу мира и другие промежуточные существа, но и конечные души, исходящие из души мира, и всё, что исходит из единого. Это беспокоит Августина, и на нашем языке он начинает довольно ясно видеть разницу между пантеизмом и теизмом.

Между пантеизмом, который рассматривает вещи как результат эманации, и теизмом, который рассматривает вещи как результат сотворения из ничего. Не из Бога, а из ничего. Из ничего.

Его возражения против теории эманации многогранны. Некоторые из его замечаний кажутся скорее сатирическими, риторическими, но в них, похоже, есть смысл. Например, он говорит, что если теория эманации верна, то когда забивают животное, часть Бога тоже подвергается забое.

И когда наказывают непослушного мальчика, это значит, что часть Бога подвергается порке. Это означало бы, что части Бога развратны, порочны, грязны и так далее. Что ж, если это так, то Бог не совсем добр.

Что ж, я думаю, не нужно большого воображения, чтобы представить, как бы на это ответил Плотин. Вы говорите не о частях Бога, а об эманациях божественного бытия, страдающих от лишения бытия. Следовательно, лишения формы, лишения упорядоченного единства.

И вы объясняете зло именно таким образом. Но, с другой стороны, Августин возражает против понятия промежуточных существ. И вы помните, что в Среднем платонизме, безусловно, в раннем неопифагорействе, а также у Филона Александрийского, с принятым им Средним платонизмом, помимо Бога, Единого и Логоса, существовала целая иерархия промежуточных существ.

Ангельские существа или что-то в этом роде. Ангельские существа в мышлении Филона. Другие божества в мышлении языческих средних платоников.

И, по мнению Августина, некоторые из этих идей переносятся и в неоплатоническое мышление. И это его беспокоит. Чтобы повлиять на нас, своих творений, Богу приходится действовать через всех этих посредников.

Разве христианская история не гласит, что Бог действует непосредственно? А как насчет Воплощения? Разве это не прямое присутствие Бога в Его творении? Теперь, часть того, что подразумевается под этими промежуточными существами и теорией эманации, заключается в том, что все промежуточные существа ниже тех, кто находится выше них в иерархии. Так, петля ниже Единого, Бога. Мировая душа ниже петли, Логоса.

Таким образом, мы имеем иерархию все более низших существ. Но это не соответствует христианскому пониманию Троицы. Троица, как вы помните Никейский Символ веры, не означает, что Иисус имеет подобную сущность, хотя и низшую, а имеет ту же сущность, что и Отец.

Помните арианскую полемику? Мы упоминали, что она возникла из александрийского христианства. Тогда существовала тенденция утверждать, что Сын гетеросесен по отношению к Отцу. Гетеросесен означает иную природу, иное бытие, иную сущность, иную субстанцию.

И это означало бы, что Сын имеет подобную природу, подобную сущность, *homoiousios*. А спор о *homoious*, *similar*, *heterose* означает «различный». Иногда это называют битвой за йоту.

Но эта йота делает его совершенно... Это совсем другое дело. Они пытались сказать, что Иисус — полностью Бог, а также полностью человек, имеющий ту же сущность, что и Отец, *homoiousios*. Это было в Никейском послании, глава 325.

325. Августин, писавший три четверти века спустя, к тому моменту, когда он приступил к написанию трудов о Троице, создал 15 книг о Троице. Не 15 томов, а 15 свитков, полагаю, о Троице.

И он настаивает на попытке разъяснить это в ответ на неоплатонизм с его промежуточными низшими существами, он настаивает на том, что это означает, что Сын равноправен с Отцом и совечен. Халкидонская формула, Халкидонский Символ веры, в каком году это было, в 451? Или в 453? Я никогда не могу этого понять. В общем, как угодно.

Что происходит со свободой воли? Но с другой стороны, если Бог творит из ничего, то внутренняя динамика внутреннего бытия Бога, в конце концов, этого разума достаточно, чтобы управлять жизнью. Потому что если мы являемся частью самого бытия Бога, то человеческий разум — часть божественного разума. Человеческий разум — это конечное проявление божественного разума, если мы являемся частью бытия Бога посредством эманации.

И именно в самопонимании человеческого разума мы, следовательно, обретем истину. ...это значит начать задавать себе вопросы о взаимосвязи между разумом и откровением. Авторитет.

И суть, или, если хотите, онтологический порядок в самой природе бытия. Теперь, хронологически в нашем опыте, хронологически в нашем собственном опыте и мышлении, авторитет всегда стоит на первом месте. В конце концов, то, с чего начинается и на чем строится наше знание, — это то, чему мы учимся у других, которые нам об этом рассказывают.

Родители, независимо от источников. И оттуда... берут начало знания и рассуждения. Вера... То есть, по самой природе реальности, это упорядоченная, рациональная, постижимая вселенная, созданная рациональным, разумным божеством.

И в этом смысле разум стоит на первом месте. И именно благодаря рациональности Бога, рациональной вселенной, вообще существует авторитет. И именно поэтому авторитет может предшествовать разуму у нас, творений.

Таким образом, взаимодействие разума и авторитета повлияет на его эпистемологию. А понимание — это награда за веру. Это вера.

Вера — это шаг к пониманию. Такова хронологическая последовательность. И, как следствие, понимание — это награда за веру.

открываться самые разные горизонты понимания. Далее следуют дальнейшие выводы. Что ж, это моё первоначальное представление об Августине.

Позвольте мне сделать здесь паузу и оценить, как это называется, что зло — это потеря порядка. Потеря упорядоченного единства. Гармонии.

И поскольку упорядоченное единство является продуктом формы, зло — это неспособность в полной мере участвовать в этой форме. Это потеря формы. Лишение формы.

Поскольку сущность вещи измеряется формой, зло в определенной степени является лишением сущности. Во всех этих отношениях вещи созданы из ничего. А поскольку они созданы из ничего, они имеют тенденцию возвращаться в ничто.

Почему яблоко гниет? Создано XD, привет? Если оно потеряет свою форму, что произойдет? Снова превратится в ничто. Так что, говоря о природном зле, он имеет в виду тот факт, что все природное зло и человеческие склонности заложены в нашей природе. Таким образом, возникает необходимость в подобной дисциплине.

Это позволит заложить в основу человеческой души не только греческую храбрость, но и веру, доверие, любовь и надежду. Теодицея, формирующая душу. Подозреваю, что здесь присутствует некое сочетание этих двух факторов, но он четко различает природное и моральное зло.

Ириной так делает. Да. А вы... Так что, вероятно, в следующий раз мы сможем более систематически поговорить о том, как он развивает теорию форм.

Как это формирует его эпистемологию? Как это влияет на его представления о природе души? Хорошо.

Почему он утверждает, что Бог вне времени? Подобные вопросы являются частью его философского вклада. Хорошо, о природе добра, посмотрите первую главу.

Высшее благо, выше которого нет ничего, — это Бог. Следовательно, Он неизменно благ, а значит, истинно вечен, истинно бессмертен. Всё, что от Него, — это Он Сам.

Если Он один неизменен, то всё, что Он сотворил, — нет. Потому что... Тогда , глава вторая, начало. Ради тех, кто не может понять, что вся природа, каждый дух и каждое тело по своей природе добры.

Каждый организм от природы добр. Это интересный акцент, который нам сегодня в голову бы не пришел. Но он считает необходимым его сделать по очевидным причинам.

Всякая душа и всякое тело по своей природе добры. Но вся природа, всякая душа и всякое тело движимы нечестием духа и смертностью тела. Давайте посмотрим.

Именно там происходят изменения. Неспособность воли, всякого духа и смертность тела. Добро, мера, форма, порядок.

Четыре синонима. Синонимы. Да, они означают одно и то же.

Синхронизированные понятия, несомненно, хороши в большей степени. Таким образом, степени добра — это степени формы, порядка и единства. Глава четвёртая.

Когда задают вопрос: откуда берется зло? Прежде всего, нужно выяснить, что такое зло. И ничто иное, как искажение меры, формы, порядка. Зло — это искажение добра. Хорошо.

Или меры. Он рассказывает о наблюдении за петушиными боями и о прекрасных движениях этих тел, даже когда они участвуют в них. Глава восьмая.

Из тления и разрушения низших вещей рождается красота Вселенной. Остальные вещи, состоящие из ничего, материальные вещи, несомненно, уступающие разумной душе, не могут быть ни благословенными, ни несчастными, но в меру своего вида и облика они хороши, да и хороших вещей в меньшей степени быть не может. К вещам, исчезающим и приходящим на смену, в середине абзаца, принадлежит определенная временная красота.

Красота мимолетна. Да, сегодня утром я смотрела из окна своего кабинета на наш клен в задней части двора. На тот самый клен, с которого буквально опадали листья.

Тонкий ковер из листьев различных оттенков желтого, оранжевого и золотого. А листья на дереве — великолепная картина. Невероятно красиво.

Но они умирают. Именно в их умирании порядок природы раскрывает такую красоту. Понимаете? Поэтому даже то, что является лишением формы, является частью формы и общего порядка красоты.

О, мы бы сделали такие перемены невозможными. Мы бы сделали такую красоту невозможной. Только Бог неизменен.

Только Бог неизменен. Да, все мы биоразлагаемы, каждый из нас.